

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Слово святого праведного отца Иоанна Кронштадтского в неделю о мытыре и фарисее

Фарисей же став, сице в себе моляшеся,
Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмь якоже прочии человецы,
хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь

(Лк 18, 11)

Будучи учителями веры у Иудейского народа, фарисеи хвалились знанием закона, и между тем, более всех бесчестили Бога преступлением закона и своим крайним лицемерием. Спаситель прекрасно оценил их, сказавши, что они любят председания на сонмищах и целования на торжищах. Эта несчастная страсть превозношения происходила в них от ложного преувеличения своих достоинств, так как будучи общественными учителями веры, они знали хорошо закон Моисеев, которого весьма многие из Иудеев не знали. Мытари же были сборщиками податей, и, по своему званию, прибегали весьма часто к незаконным средствам своих поборов. В Евангелии мы видим изумительный пример смирения и самоотвержения одного мытаря в Закхее, старшине мытарей. Когда Спаситель пришел к нему в дом, Закхей, в глубоком чувстве раскаяния, сказал Господу: се пол имения моего, Господи дам нищим: и аще кого чим обидех, возвращу четверицею(Лк 19,8). Фарисеи и мытари не по имени, а по делам, есть и теперь. Страсть превозношения и самохвальства господствует и ныне в сынах падшего Адама. Побеседуем, по призыву матери нашей Церкви о том, как пагубна эта страсть и о побуждениях к смирению. Откуда в нас страсть превозношения и самохвальства? Оттуда же, откуда произошли все грехи наши: от первого прародительского греха. Человек создан

был с тем, чтобы он любил Бога, как виновника своего бытия больше всего, чтобы взирал на Его совершенства и подражал им, свято исполняя Его волю. Но он полюбил больше себя, а не Бога, захотел совершенства Его присвоить себе, пожелал быть сам столь же великим, как Бог, захотел быть самозаконником, подвергся самолюбию и гордости и — пал. Таким образом, превозношение или гордость есть душепагубная страсть человека, делающая его враждебным Богу и презрительным относительно ближних. Может ли Бог с благоволением взирать на тварь, которая надмевается какими то собственными совершенствами и не находит себе равного в них, как будто у нас есть что-нибудь свое? Вот начало нашей страсти к самопревозношению. Как страсть, она естественно есть болезнь нашей души, заразившая ее в минуты падения первых людей. Как ложное мнение о своих совершенствах, как противозаконное движение воли, она есть, вместе с тем, плод внушений злого духа, который сам павши гордостью и завистью, увлек к падению теми же грехами и человека. Мы знаем, что люди пали не сами собою, а по искушению от диавола. Нужно ли распространяться о том, что гордость или самохвальство, соединенное с унижением других, есть болезнь нашей души? Чтобы увериться в этом, надобно только взглянуть на человека гордого оком святой веры. Что такое человек в настоящем его положении? Человек падший, разбитый, весь в ранах. Вам кажется преувеличенным это сравнение? Вспомните притчу о Самарянине и человеку, попавшем к разбойникам(Лк 10,30–37). Кого изображает этот человек, попавший к разбойникам, избитый и израненный? Кого, как не нас, измученных страстями, миром и диаволом? Если бы такой человек стал утверждать, что он совершенно здоров и не чувствует никакой боли, что мы сказали бы о нем? Не сказали бы мы, что он слишком болен и близок к смерти: потому что в его теле уже нет чувствительности, обнаруживающей в нем присутствие жизненных сил. Это же, непременно это же, мы должны сказать и о человеке гордом. Гордость, далее, есть плод внушений злого духа. Трудно ли в этом убедиться? Гордость есть ложное, преувеличенное мнение о своих совершенствах, истинных или мнимых, соединенное с обидным унижением других. Ложное мнение: а откуда в мире ложь? Бог есть истина. Священное писание указывает нам один источник, одного отца лжи: вы отца вашего диавола есте, говорит Спаситель Иудеям, и похоти отца вашего хотите творити. Он человекоубийца бе искони и во истине не стоит, яко несть истины в нем: егда глаголет лжу, от своих глаголет: яко ложь есть и отец лжи(Ин 8,44). Он то нашептывает человеку, занятому самим собой, своими добрыми делами, что он есть совершеннейшее существо, которому все другие должны удивляться, что все другие — презренные твари, которые напрасно живут на свете, и — только грешат. Но как это ложно, посудите сами. Есть ли на самом деле этот наглый самохвал совершеннейшее существо, и таков ли, в самом деле, так дерзко обижаемый им, ближний его?

Может быть, в то самое время, как его осудили, он покаяться, прослезился о своих грехах перед испытующим сердца(Откр 2,23) всех Богом, и — получил прощение. Между тем как совершенства превозносящегося собою подозрительны уже потому самому, что он провозглашает, трубит о них перед Богом ли только в храме, или всем и каждому. Истинное совершенство, истинная добродетель скромна: она любит скрываться в тайне и никак не дерзает приписывать сама себе своих совершенств, тем более унижать других. Ты говоришь о себе, что ты добр, милосерд ко всем, усерден к вере и святой Церкви, изнуряешь постом плоть свою. Прекрасно. Но кто тебе дал право называть себя именами этих почтенных добродетелей? Кто провозгласил тебя добрым, милосердным, усердным к Церкви и Ее святым уставам? Бог? Ангел? Или ты сам оценил свою добродетель? А как мы можем оценивать свои дела? Как станем взвешивать их? Какую меру примем при этом? Знаем ли хорошо свое сердце нечистое, которое всегда, или, по крайней мере большею частью принимает большое участие при совершении добрых дел? Не входят ли в наши добродетели расчеты самолюбия, или другие неблагоприятные побуждения? Как иногда легко укрывается от нашего собственного сознания недоброе побуждение, которое было причиной нашего доброго дела. Яд греха глубоко проник в нашу душу и он, незаметно для нас самих, отравляет едва не все наши добродетели. Не лучше ли почаще и попристальнее всматриваться в себя и замечать в глубине своей души свои недостатки, чтобы исправлять их, а не выставлять на вид свои совершенства? Да и зачем их выставлять на вид, оценивать самим, когда есть самый беспристрастный ценитель их на небе — Господь Бог, Который, имея воздать каждому мзду по делам(Откр 22, 12; Иер 17, 10), конечно знает, как оценить наши дела. Предоставим же Ему судить о наших добродетелях, а сам в страхе Божиим, без превозношения, будем содевать свое спасение(Флп 2, 12). Не возноситься должны мы перед другими, а смиряться. И сколько побуждений к смирению для каждого из нас! Человек ничего своего не имеет: все у него Божие: и душа, и тело, и все, что у него есть, кроме греха. Всякое доброе дело также от Бога. Чем же он может похвалиться? Что же имаши, человек, егоже неси приял? аще же и приял еси, что хвалишися яко не приемь(1 Кор 4, 7)? Если же он хвалится своими добродетелями, то он святотатно присваивает себе славу, принадлежащую единому Богу. Далее, всякий человек находится более или менее в состоянии греховного расслабления и, по крайней мере, весьма многие — в состоянии греховной нечувствительности. Как нестерпима в них эта болезненная, ложная уверенность, что они совершенно здоровы и не имеют надобности во враче. Какое побуждение и в этом к тому, чтобы не ценить высоко своих добрых дел, которые, может быть, суть не что иное, как бред нашей души. Небесный, всеведущий Судия Сам на Себя принял и оценит наши дела, и воздаст за них

каждому в свое время. Как же поэтому необходимо каждое доброе дело наше совершать в очах Божьих и предоставлять суд о нем Ему одному, не дерзая касаться до него собственным погрешительным судом. Но, надобно заметить, что добрых дел у нас весьма мало, несравненно больше худых. Новое и сильнейшее побуждение к смирению: я грешен, а Бог правосуден. Как не иметь в мыслях своих суда Божия, который может быть готов совершиться над нами в нынешний же день, и не забыть, может быть, самых ничтожных добрых дел, которые в сравнении со множеством грехов не значат ничего: потому что мы непременно грешим каждый день, каждый час и словом и делом, и мыслью и чувствами. О! дай нам Боже, постоянно иметь перед глазами нашу всецелую зависимость от Тебя, нашу немощь, нашу греховность, чтобы постоянно смиряться перед Тобою и перед нашими ближними. Братия и сестры! Вам, без всякого сомнения, не может не нравиться представленный в нынешнем Евангелии пример смиренномудрия мытаря, так как он изображает нас грешных, кающихся; а мы легко узнаем и любим свой образ, начертываемый нам в священном писании; не может не нравиться особенно потому, что вы видели, как он помилован был Богом за свое смирение, и, хотя был великий грешник, потому что мытари вообще жили притеснениями и мздоимством, но сниде в дом свой оправдан (Лк 18, 14). Постараемся же подражать этому примеру смиренномудрия. Никто, конечно, не станет говорить, что он не грешный человек, которому не за чем, подобно мытарю, сокрушаться о своих грехах, ударять себя в грудь и смиренно просить прощения: Боже, милостив буди мне грешнику (Лк 18, 13). Все мы, все грешны и нуждаемся в милосердии Божиим. Если бы не ходатайствовала за нас кровь Агнца Божия, взявшего на себя грехи мира: то каждый день и час над нами гремели бы удары небесного правосудия; мы ежедневно бедствовали и умирали бы душою своею грешною, и ни мира, ни радости не вкушать бы нам во веки. Но за нас ходатайствует Сын Божий: и наши грехи не вопиют так сильно об отмщении нам, ради заслуг Его. Бог прощает нам их, только бы мы сознавали их сами и раскаивались в них. Да, Бог прощает нам наши грехи. Следует только поскорбеть о них, попросить от всего сердца прощения у Господа Иисуса, и Он благодатью и щедротами Своего человеколюбия простит нам через Своего служителя все грехи, тяготящие нашу совесть. Подражая в смиренномудрии мытарю, станем всячески удаляться самопревозношения фарисейского. Какими неприятными чертами изображен упоминаемый в Евангелии фарисей, услаждавшийся видом своих добродетелей. Я говорю, такой и такой, не так как другие люди, или как этот мытарь. Благодарю Тебя, говорит, за это. Хорошо ты делаешь, что благодаришь Бога за добрые дела: они не от нас, а от Бога; но зачем хвалишься, превозносишься ими перед лицом Самого Бога, как будто Он не знает достоинства их? Зачем унижаешь своего собрата? Разве ты не тот же осужденный и грешный человек,

как и мытарь; разве добродетели твои сделали тебя вдруг чистым и безгрешным ангелом? Разве ты сам своими силами исполнил их? Как это вдруг забыл ты о своих слабостях и видишь одни совершенства и ни мало не думаешь о необходимом для тебя смирении! Зачем ты думаешь, что ты отличный, добродетельный человек? Почему бы тебе, и при своих добродетелях, не думать, что ты сделал только должное и остаешься тем же рабом неключимым, по заповеди Спасителя: егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом(Лк 17,10). Господи! без Тебя мы не можем творити ничесоже(Ин 15,5). Дай Ты нам это смиренномудрие мытаря и изгони из нас всякий помысел гордости фарисейской. Да памятуем мы всегда, что мы все Твои со всем что мы имеем и что видим вокруг себя, и нам нечем, совершенно нечем похвалиться. Аминь.

святой праведный отец Иоанн Кронштадтский

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27